

Уменьшение рождаемости — проблема отнюдь не только российская. С ней столкнулись и вполне благополучные европейские страны. Как они пытаются разминировать эту бомбу замедленного действия, угрожающую экономическому росту и социальному равновесию? Что можно сделать, чтобы побудить семью иметь больше детей?

Когда Эстер родилась, шведское государство сделало все, что могло бы облегчить ее вхождение в мир и поощрить ее родителей к тому, чтобы первенцем дело не ограничилось. Ее мать, 29-летняя Тереза, ушла в отпуск на 15 месяцев (большая часть его оплачивалась на 80 процентов); сейчас она работает неполный рабочий день. Отец Эстер, Кристиан, физиотерапевт, остается дома на один день в неделю, чтобы провести его с дочерью. (За этот день он также получает от государства 80-процентную компенсацию заработной платы.) Если Эстер болеет, ее отец или мать могут оставаться с ней дома в общей сложности до 120 дней в году — их потери в заработной плате возмещаются государством. Тереза и Кристиан хотели бы иметь четырех детей и могут рассчитывать на растущее детское пособие — от 105 евро в месяц для Эстер до 190 евро для четвертого ребенка, если они в самом деле зайдут так далеко. Тереза знает, что, родив следующего ребенка, она сможет вернуться к своей работе; она не будет поставлена в худшие условия потому, что у нее есть дети.

Такая поддержка государства (обходящаяся ему недешево) помогла поднять показатель рождаемости с 15 детей на сто женщин в 1999 году до 172 в 2003-м, — но и этого недостаточно: население Швеции все равно уменьшалось бы, если бы не иммигранты. И Швеция еще счастливый случай. В большинстве стран Европы показатели рождаемости падали в течение нескольких десятилетий. В 1970 году на сто западноевропейских женщин приходилось 240 детей. Но по мере того, как женщины становились всё более образованными, принимали всё большее участие в общественном производстве, всё позже заводили детей, этот показатель упал к 2003 году до 150.

В странах, ставших новыми членами Европейского Союза, падение было даже более глубоким. Это означает, что население Союза (с учетом того, что к нему в 2007 году присоединятся Болгария и Румыния), может упасть с 482 миллионов сегодня до 454 миллионов в 2050 году. За это же время население работоспособного возраста, согласно прогнозам, упадет на 18 процентов, а число тех, кому 65 лет или больше, вырастет на 60 процентов. Кое-где в Латвии и Словакии палаты в

Европа в демографической яме?

Фото из журнала «Тайм»

родильных домах уже пустуют, а школы в восточной части Германии закрываются из-за недостатка учеников. Германия, по сути, испытывает такую нехватку рождений, что ее население может обрушиться с нынешних 82 миллионов до 24 миллионов к концу столетия. Если существующая тенденция сохранится, постоянно растущие расходы на пенсии и здравоохранение просто разорят бюджеты европейских государств и катастрофически отразятся на показателях экономического роста.

Подобно Швеции и ее скандинавским соседям, Британия, Ирландия, Франция и Нидерланды чувствуют себя не так плохо, здесь показатель рождаемости около 170. Однако нигде в Европейском Союзе он не приближается к 210 — уровню, способному удерживать популяцию стабильной. «Народ, у которого нет детей, который стареет, — народ без будущего», — говорит Тициано Трой, бывший итальянский министр труда и социального обеспечения, один из авторов законопроекта, нацеленного на то, чтобы повысить упавший на дно пропасти показатель рождаемости в Италии — 129.

Эта проблема назревала десятилетиями, и правительства разных стран предлагали решить ее, реформируя программы социального обеспечения, повышая пенсионный возраст, поднимая показатели трудовой занятости и поощряя иммиграцию квалифицированных рабочих. Но политики становились робкими, когда речь заходила о том, чтобы побудить матерей и отцов иметь больше детей. Возможно, дело в том, что выборный цикл — это одно, а демографический — другое. Жизнь по-

коления пройдет, пока скажутся результаты твоих усилий в этом направлении. Зачем попусту тратить на это свой политический капитал?

Но положение с рождаемостью приняло такой скверный оборот, что

начали высказываться видные политики. В минувшем октябре президент Франции Жак Ширак, канцлер Германии Герхард Шредер, испанский премьер-министр Хосе Луис Родригес Сапатеро и шведский премьер-министр Гёран Перссон обратились с письмом к своим коллегам по Европейскому Союзу, предложив предпринять серьезные усилия для того, чтобы лучше согласовать профессиональную, личную и семейную жизнь, — с целью дать возможность семейным парам иметь столько детей, сколько они хотят.

Демографы рады тому, что табу сломаны, но считают: делается слишком мало, слишком поздно. Иммиграция в значительной мере предотвратила сокращение численности населения в таких странах, как Германия (где показатели смертности уже превышают показатели рождаемости), но даже если она будет существенно более многочисленной, чем теперь, ее долговременное влияние на баланс поколений останется ограниченным. В конце концов, иммигранты тоже стареют (и показатели рождаемости падают у поколения переехавших в Европу). Быстро решение нет. Даже если бы можно было вернуться к положению, когда в семье было два ребенка, население продолжало бы сокращаться еще десятилетия: ведь европейцы стали старой популяцией, а это означает более высокий показатель смертности.

Как показывают разного рода обследования, в странах, которые вкладываются в политику, облегчающую рождение и выращивание детей, показатели рождаемости, по-видимому, более высоки, нежели в странах, которые

не делают этого. Убедительный пример — Франция, у которой самый высокий после Ирландии показатель — 189. У Франции всегда была сильная семейная политика, поощряющая рождение детей и помогающая растить их. И результатом стало то, что естественный прирост населения Франции составил в 2003 году 211 тысяч человек, в то время как в Европейском Союзе в целом — 200 тысяч.

Но если взглянуть на ситуацию в Ирландии, где показатель рождаемости самый высокий в Европейском Союзе, 198, то окажется, что все не так просто. Помощь детям развита здесь слабо. Если женщины и освобождаются на время от работы, они затем дискриминируются на своих рабочих местах. Выручают незамужние матери, иначе с показателем рождаемости в Ирландии было бы плохо. В 1980 году одинокие матери обеспечили только 5 процентов рождений, а теперь один из трех детей рождается вне брака. Католическая церковь сыграла свою роль в этой перемене, признав, что родить ребенка, не выходя замуж, менее порочно, нежели сделать аборт.

Низкие показатели рождаемости в Италии и Испании (здесь также 129), объяснимы высокой молодежной безработицей, преобладанием краткосрочных трудовых контрактов, хронической нехваткой доступного жилья для молодых людей — и предубеждением работодателей против женщин, которые прерывают свою карьеру для того, чтобы завести ребенка. Сочетание семьи и карьеры не кажется реалистичным для итальянской женщины. В Италии вы либо выглядите претендующей на что-то, либо нет. И если у вас есть дети, это знак того, что вы не амбициозны.

Кроме всех этих плохих новостей есть и обнадеживающие. Опросами установлено, что повсюду в Европе женщины хотели бы иметь больше детей, чем у них есть. Один из способов сделать это возможным — обеспечить совместимость целей карьеры и материнства. Это, кажется, удастся Швеции, где высоко участие женщин в общественном производстве и рождаемость также высока. Такой уровень социальных расходов (критики могут назвать это взяткой родителям), говорят некоторые, Европа больше себе не может позволить. Но альтернатива — когда слишком малому числу молодых приходится брать на себя заботу о пожилых — может в конце концов обойтись дороже.

В любом случае, пока семья не сможет позволить себе иметь двух и более детей и пока это не станет, если хотите, модным, Европа рискует превратиться в Старый Мир в худшем значении этого слова.

Н. Г. (по материалам иностранной печати)